

© 1995 г., ЭО, № 3

Н. А. Красновская

К ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ В ИТАЛИИ

Итальянские ученые любят повторять, что область знания, которую в наши дни называют этнографией, возникла на Апеннинском полуострове еще в античности. Уже «Записки о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря (I в. до н. э.) они нередко характеризуют как «полевое исследование» кельтских племен. Подобную оценку дают и труду древнеримского историка Корнелия Тацита (I в. н. э.) «Германия», посвященному общественному строю и быту древних германцев¹. Вполне понятно, что, если подходить строго, информацию древних авторов о быте и культуре современных им народов еще нельзя назвать «этнографией». Она была лишь «исходным материалом этнографической науки», и прошло много веков, прежде чем эта информация послужила источником для обобщений².

Однако и в средние века итальянцы оказались на высоте: они первыми из европейцев дали описание «экзотических» стран и культур населявших их народов. В конце 40-х годов XIII в. появилась известная «История монгалов», автором которой был францисканский монах Фра Плано де Карпини³. Спустя четверть века отправился в свое путешествие в далекие земли Центральной и Восточной Азии получивший впоследствии мировую известность венецианский купец Марко Поло. Этнографическим результатом этого путешествия, продолжавшегося 25 лет, явились наблюдения Марко Поло о Китае и некоторых других азиатских странах. Опубликованные в Италии в 1298 г., они вскоре были переведены на несколько европейских языков⁴.

В последующие века традиция совершать путешествия в дальние страны и оставлять после них, как бы мы сейчас сказали, «этнографические зарисовки» во многих средневековых государствах Италии никогда не прерывалась. Особенно активными были венецианцы. В 30—40-е годы XV в. 16 лет прожил на берегу Азовского моря в г. Тане купец Иосафат Барбаро. С 1471 до 1479 г. он же был послом Венецианской республики при дворе персидского шаха. Повествования Барбаро о быте далеких стран, включая Московию, вошли в его произведение «Путешествие в Тану», изданное лишь в середине следующего столетия. Другой венецианец, Амброджо Контарини, в своем произведении «Путешествие в Персию» (1487 г.) пишет не только об этой стране, но также о ряде местностей Кавказа, Татарии и России⁵.

К концу XV в. относятся знаменитые морские плавания генуэзца Христофора Колумба⁶ и флорентийца Америго Веспуччи, а также итальянцев по происхождению отца (Джованни) и сына (Себастьяно) Каботов. В первой четверти XVI в. в составе экипажа Магеллана совершил путешествие знатный венецианец Антонио Пигафетта, записавший свои впечатления о местных народах Патагонии, Филиппинских и Молуккских островов⁷. В конце XVI в. элита итальянского общества зачитывалась «Письмами из Индии» образованного флорентийского купца Филиппо Сассетти⁸, а в середине следующего столетия привлекли к себе внимание Рассуждения о моем путешествии вокруг света Франческо Карлетти⁹. Однако наиболее обстоятельные характеристики ряда восточных стран встреча-

ются в этот период в основном в трудах посланников Ватикана. На рубеже XVI—XVII вв. наиболее известными из них были работы Маттео Риччи о Китае, Антонио Кавацци о некоторых племенах Африки¹⁰ и Антонио Поссевино о Московии¹¹.

Научному изучению народов мира положил начало труд известного неополитанского философа Джамбаттисты Вико (1668—1744) «Основания новой науки о природе наций» (1725 г.). Первое из данных «оснований» состоит, по Вико, в том, что научное исследование не может постигнуть сути абсолютно «дикого» состояния человечества, так как все известные нации и племена проявляют общие черты цивилизации, такие, как вера в божественное провидение, семья и культ мертвых. Суть второго основания в том, что развитие культуры характеризуется продвижениями вперед и спадами (*corsi e ricorsi*). Все нации, по теории Вико, развиваются по тождественным циклам, состоящим из трех эпох: божественной (безгосударственность, подчинение жрецам), героической (аристократическое государство) и человеческой (демократическая республика или представительная монархия)¹².

В первой четверти XIX в. наиболее известным произведением по дескриптивной этнографии стало многотомное издание «Древний и современный обычай или история управления, военной жизни, религии, искусств, наук и обрядов всех древних и современных народов. Доказанная памятниками античности и представленная с соответствующими рисунками», составленное итальянцем Джулио Феррарио (1767—1847) и несколькими его помощниками¹³. Этот труд можно оценить как наиболее полное (не только для своего времени, но и для нескольких последующих десятилетий) собрание этнографической информации о разных народах мира.

К этому же периоду относится работа венецианского географа и статистика Адриана (Адриена) Бальби (1782—1848) по составлению таблиц языков и диалектов, распространенных на всех континентах. Ученый назвал свой сводный труд «Этнографический атлас мира»¹⁴.

В той же первой четверти XIX в. во многих итальянских областях оказался собранным огромный полевой этнографический материал, что было косвенно связано с политической историей страны. В период господства над Италией Бонапарта (1800—1815) здесь были введены гражданский, торговый, уголовный и процессуальный кодексы Наполеона. Преследуя политические и экономические цели, французские власти начали изучать социальную и культурную жизнь на территории созданного ими так называемого Итальянского королевства (*Regno Italico*). В поле их зрения попали и народные традиции. Стремясь к их углубленному познанию, Миланская генеральная дирекция по народному образованию в 1811 г. провела анкетирование в разных департаментах королевства. Круг заданных вопросов предполагал ответы, фиксирующие местные обычаи и обряды. Префектам различных департаментов и преподавателям лицеев предлагалось собрать и изложить подробные сведения: «1) о различных обычаях, а также предрассудках и суевериях в сельских местностях в связи с рождением, свадьбой, смертью, погребением, как и во время праздников, например в начале и конце года, на Рождество, Карнавал, Пост, Святую неделю и Пасху; 2) о привычках, которые сохраняются во время разных сезонов и связаны с сельскохозяйственными работами и при проявлении веселья, и о так называемых национальных песнях и других подобных сочинениях, если таковые там имеются; 3) об особых чертах и оборотах речи, отличающих диалекты жителей различных коммун этого департамента»¹⁵.

Предложенное анкетирование в ряде местностей Италии было выполнено, полученные в результате него ответы попали в архивы страны и стали бесценными этнографическими документами эпохи, на основе которых несколько поколений итальянских ученых создавало свои исследовательские труды по отдельным регионам.

Свое организационное оформление итальянская этнографическая наука по-

лучила, однако, лишь во второй половине XIX в., в разгар борьбы за национальное объединение страны — в эпоху Рисорджименто.

Полвека, предшествовавших возникновению в Италии университетских кафедр и научных обществ, в которых занимались этнографией, были чрезвычайно трудными для итальянской интеллигенции. Энергия образованных слоев итальянского общества была в это время направлена на завоевание политической независимости и единства родины. Рисорджименто завершилось в 1861 г., когда было, наконец, провозглашено создание Итальянского королевства. Теперь правящие круги и просвещенные люди эпохи были заняты выработкой единых законов для молодого государства и путей ликвидации многовековой разобщенности итальянцев из разных частей страны. Однако для решения поставленных задач с самого начала возникло много препятствий: неодинаковый уровень развития Северной и Южной Италии, неравномерное распределение производительных сил общества в целом, ограниченность природных ресурсов и др. Разрешение многих социальных, экономических и этнокультурных проблем затрудняло помимо всего прочего отсутствие в стране общенационального языка, на котором бы говорили жители всех областей Италии. Большинство деятелей итальянской культуры склонялось к введению в качестве единого языка нации уже испытанного веками и занявшего к этому времени господствующее положение в науке и литературе тосканского диалекта. Для превращения этого диалекта в общетальянский литературный язык начали предпринимать радикальные меры уже первые правительства объединенной Италии. Вскоре после создания королевства на итальянском языке был выпущен огромный поток научной литературы; на этом же языке было предписано властями вести преподавание во всех учебных заведениях, включая высшие. Деятельность университетов нового государства оживилась: в них не только читались курсы лекций, но и осуществлялась научно-исследовательская работа. Здесь постепенно заняли свое место и представители наук о человеке.

Необходимо отметить, что в Италии с первых шагов своего развития были тесно связаны по крайней мере две науки — этнология (этнография) и антропология. С ними близко соприкасались также география, история и лингвистика, что нашло отражение в концепциях ряда итальянских ученых того времени, стремившихся определить предмет той или иной науки. В 1850-х годах свой взгляд на отношения этнологии с другими дисциплинами выразил Джовенале Веджецци Рускалла. Он писал, что к истории этнология обращается с целью узнать о вторжениях, завоеваниях, революциях разных народов, чтобы найти здесь руководящую нить для изучения амальгам различных племен; к антропологии — для демонстрации их анатомического различия; к географии — для того чтобы узнать климатическое влияние на занятия народов и на их образ жизни; к лингвистике — для освещения посредством языкового материала... миграций и смешений различных народов. В то же время Веджецци Рускалла отмечал и существенные отличия этнологии от этих наук. История изучает государство, этнология — нации; антропология исследует человека индивидуально, как живое существо, первое из класса млекопитающих, этнология — агрегации многих индивидов, т. е. этническое общество и т. д.¹⁶

В эпоху Рисорджименто, когда интеллигенция страны горячо обсуждала проблемы консолидации итальянской нации, этнография неоднократно определялась и как «политическая и социальная география»¹⁷.

В конце 1860-х годов в образованных кругах итальянского общества распространялись переводы трудов Чарлза Дарвина, открывшего новое направление в изучении проблемы происхождения человека. Во многих университетах Италии начали проводить исследования по антропологии и истории первобытного общества, которую они называют доисторией. В 1869 г. во Флоренции (временной столице королевства) была учреждена первая в стране кафедра антропологии, руководителем которой стал горячий сторонник учения Дарвина Паоло Мантегацца (1831—1910). В том же 1869 г. по его инициативе во Флоренции был основан

Национальный антропологический музей (Museo Nazionale di antropologia) при философско-литературном факультете Высшего института усовершенствования (Facoltà di filosofia e lettere dell'Istituto di perfezionamento). Мантегацца рассматривал антропологию как «естественную историю человека». Как таковая, по его мнению, она не должна быть только «введением в историю, но должна также исследовать все главные сферы человеческой деятельности». В такой постановке вопроса отразилось влияние общей направленности научной мысли века: изучение народа подчиняется изучению человека. Мантегацца неоднократно подчеркивал, что этнография — наука, не отделенная полностью от антропологии. Вместе с психологией, палеоэтнологией и другими дисциплинами она имеет большое значение для подготовки к антропологическим исследованиям.

В 1870 г. во Флоренции было основано Итальянское общество антропологии, этнологии и сравнительной психологии (Società Italiana di antropologia, etnologia e psicologia comparata). В январе 1871 г. среди ученых была распространена программа общества, изданная в форме длинного послания. Этот важный документ своего времени подписали 24 человека, представлявшие несколько наук. Среди них были: основоположник криминальной антропологии Чезаре Ломброзо, археолог Пеллегрини Стробель, выдающийся геолог и палеонтолог Бартоломео Гастальди, будущий основатель этнографического музея в Риме Луиджи Пигорини, антрополог Паоло Мантегацца и др.

В программе говорилось: «Мы, нижеподписавшиеся, основав во Флоренции общество антропологии и этнографии, приглашаем всех тех, кто в Италии проводит подобные исследования или готов участвовать в них, для того чтобы объединить наши разрозненные силы и таким образом внести свой вклад в развитие данной области знания, которая в настоящее время привлекает внимание всех европейских мыслителей. Мы намерены... приложить свои усилия для изучения древних и современных народов Италии. Как ученые и как итальянцы мы считаем своей первоочередной задачей способствовать объединению с целью освещения итальянской этнологии, столь богатой и, к сожалению, так мало изученной. Данную цель мы намерены достичь с помощью поощрения... экспериментального метода, подтвердившего свою полезность во всех современных науках, включая этнологию и антропологию»¹⁸.

В 1871 г. общество выпустило первый номер своего журнала «Архив по антропологии и этнологии» («Archivio per l'Antropologia e l'etnologia»), в котором были опубликованы статьи самого разного содержания: по физической антропологии и социальной психологии, по краниологии этрусков и доисторическим орудиям, найденным археологами в некоторых областях Италии, по буддизму, мифологии и т. п. Характер этих публикаций явно указывал на то, что общество и его печатный орган находились на стыке различных наук. Вскоре произошло разделение — из общества вышли исследователи древней истории. В 1875 г. они стали издавать в Риме «Бюллетень итальянской палеоэтнологии» («Bollettino di Paleoetnologia Italiana»), а в 1876 г. в Римском университете была учреждена одноименная кафедра. В том же году руководивший ею Луиджи Пигорини (1842—1925) создал на основе коллекций Атаназіо Кирхера (XVII в.) Музей первобытной истории и этнографии (Museo Preistorico Etnografico).

В 1893 г. возникло еще одно объединение этнологов и антропологов — Римское антропологическое общество (Società Romana di Antropologia), руководимое Джузеппе Серджи (1841—1916). Печатным органом общества стали его «Акты», преобразованные позднее (1911 г.) в «Антропологический журнал» («Rivista di antropologia»). Статут этого общества возвещал, что его целью «является исследование физической антропологии, этнологии, экспериментальной психологии и социологии»¹⁹.

Параллельно с организационным оформлением этнографии как дисциплины шло и формирование терминологии для ее обозначения.

С середины XIX в. итальянские этнографы называли свою науку одним из трех терминов: этнология, этнография, антропология. Выбор того или иного из них

был, пожалуй, делом вкуса каждого ученого и в большинстве случаев не определялся никакими строгими критериями. О том, что это было именно так, свидетельствуют уже определения этих трех терминов, даваемые почти во всех солидных итальянских энциклопедиях и справочных изданиях. Приведем некоторые из них.

«Этнология (от греческ. *ἔθνος* — „народ“ и *λόγος* „слово, учение“). В самом названии уже есть разница с этнографией; эта последняя дескриптивна, напротив, этнология сравнительна и систематична. Все же довольно часто оба термина употребляются почти недифференцированно...»²⁰.

«Этнография (от греческ. *ἔθνος* — „народ“ и *γραφω* — „пишу“) ... наука, описывающая разные народы, составляющие род человеческий. Такая дескрипция сама по себе охватывает разные аспекты народов: расу, образ жизни, социальные институты, духовную жизнь...»²¹.

«Антропология. Термин (от греческого этимона *antropos logos* — буквально „рассуждение о человеке“), означающий широкое поле исследований, имеющее предметом человеческую жизнь, в ее естественном, социальном и культурном аспектах, согласно разнообразию подходов и тем, получивших со временем ряд специфических наименований»²².

Во второй половине XIX в. в Италию пришел из Великобритании термин *Folklore* (от устаревших слов саксонского происхождения *folk* — „народ“ и *lore* — „учение“). Его создал и ввел в научный оборот английский археолог Уильям Джон Томс, предложивший в 1848 г. на страницах лондонского журнала «*Athenaeum*» обозначать им «традиции простого народа»²³. (На русский язык слово «фольклор» в данном случае правильнее всего переводить как «фольклористика».) Некоторое распространение в стране получили также термины «демология» (*demologia*) и «демопсихология» (*demopsicologia*).

В конце XIX в. развитие этнологических знаний в Италии пошло по двум различным направлениям. Одно из них можно назвать «краеведческим», другое — «колониальным». Ученые, принадлежавшие к первому направлению, стали широко изучать фольклор и народные традиции отдельных областей своей родины. Следует отметить, что в этот период в Италии этнографией практически занимались не только и не столько этнологи, сколько фольклористы. Впрочем, такое переплетение сюжетов двух смежных наук наблюдалось и наблюдается и в других странах²⁴.

Наиболее крупными исследователями-краеведами в Италии были Алессандро Д'Анкаона (1835—1914), Эрмолао Рубери (1819—1879), Витторио Имбриани (1840—1886), Доменико Компаретти (1835—1927), Костантино Нигра (1828—1907)²⁵, Анджело Де Губернатис (1840—1913)²⁶ и особенно Джузеппе Питре (1841—1916). Последний благодаря своей кипучей и плодотворной деятельности еще при жизни получил широкую известность далеко за пределами Италии. Работая в Сицилии врачом, Питре одновременно скрупулезно и неутомимо собирал фольклор своих соотечественников, описывал их бытовую культуру, в течение четверти века (1880—1906) издавал журнал «Архив по изучению народных традиций» («*Archivio per lo studio delle tradizioni popolari*»). В сотрудничестве с другим местным врачом, Сальваторе Саломоне-Марино, Питре выпустил в свет 25-томную «Библиотеку сицилийских народных традиций» («*Biblioteca delle tradizioni popolari Siciliane*», 1871—1913), которую крупнейший современный итальянский фольклорист Джузеппе Коккьяра справедливо назвал «истинным памятником любви к родине и веры в нее»²⁷. В этом ценнейшем труде ученый «дал нам корпус сицилийского фольклора во всех его наиболее значительных аспектах, от песен до басен, от обычаев и обрядов до зрелищ и праздников, от пословиц и острот до верований и предрассудков»²⁸.

Второе направление этнографических исследований, возникшее в Италии в конце XIX в., было непосредственно связано с дальнейшим развитием итальянского капитализма. В 1880-е годы правительство страны, присоединившись к австро-германскому блоку, встало на путь колониальной экспансии. В 1885 г.

Италия колонизовала земли на побережье Красного моря, ставшие впоследствии Эритреей; в 1889 г. она захватила Сомали. После приобретения страной этих земель итальянские ученые начали проявлять (с большим опозданием по сравнению с другими колониальными державами²⁹) интерес к научному изучению народов Африки, продиктованный, правда, прагматическими нуждами правящих кругов. Наиболее заметными исследователями колоний в этот период были миссионеры Гульельмо Массайя (1809—1899) и Джузеппе Сапето (1811—1895). Основное число опубликованных тогда трудов содержало преимущественно описание населения захваченных земель и принадлежало чаще всего перу должностных лиц из колониальной администрации.

В начале XX в. итальянские империалистические круги стремились как к захвату новых территорий, так и к упрочению своей власти в старых владениях. С целью облегчения второй задачи в 1905 г. было подготовлено нечто вроде учебного пособия для изучения Эритреи («Manuale di istruzioni per lo studio della Colonia Eritrea») ³⁰. Это пособие, в составлении которого принимали участие физические антропологи, археологи, географы и этнографы, предназначалось для колониальных служащих, военных, коммерсантов, миссионеров и итальянских граждан, переселившихся в Африку, и должно было облегчить всем этим лицам «освоение» Эритреи. В результате итало-турецкой войны 1911—1912 гг. Италия завоевала Ливию и Додеканезские острова. К этому времени ни одна из этих территорий не была заселена этносами с архаической культурой. Традиционно-бытовая культура их населения в течение многих веков развивалась под влиянием ислама и православия.

Такая ситуация частично объясняет то небольшое значение, которое имели настоящие этнографические исследования в общем объеме научного изучения итальянских колоний. Наиболее яркие работы были написаны в это время в основном видными ориенталистами (лингвистами и историками), интерес которых к этнографии носил временный и второстепенный характер ³¹.

Из ученых начала XX в. особого упоминания заслуживает Ламберто Лориа (1855—1913). До 50 лет он путешествовал по странам Азии, Африки и Америки, после чего его интересы внезапно переменялись. Вот как он сам писал об этом: «В 1905 г. перед отплытием для исследований в Африке мне пришлось побывать в Чирчелло дель Саннио (населенный пункт в провинции Беневенто), и там я решил прекратить занятия экзотической этнографией, требовавших от меня до тех пор длительных и опасных путешествий, и заняться нашим собственным народом. Я знал, что Италия, хотя и населена людьми одной и той же расы, характеризуется, благодаря особенностям своей истории, большим разнообразием традиций и обычаев; лишь поверхностное исследование области самнитов, которое я сумел провести в эти несколько дней, убедило меня в том, что, посвятив я лучшие годы своей жизни изучению этнографии своего собственного народа, я мог бы собрать множество предметов и исследовать много обычаев, ныне совершенно исчезнувших» ³².

В 1910 г. Лориа основал Итальянское этнографическое общество (Società Italiana di Etnografia). Еще раньше он начал собирать материал для будущего Музея этнографии Италии. Первое время этот музей функционировал во Флоренции, а затем его экспонаты были перевезены в Рим в качестве этнографической выставки, открытой в 1911 г. к 50-летию объединения Италии. По окончании торжеств предметы из коллекции Лориа вместе с другими экспонатами были на долгие годы заперты в запасниках. Итальянская публика увидела их вновь лишь в 1956 г., когда в Риме был открыт Музей народных ремесел и традиций (Museo delle arti e tradizioni popolari).

В 1912 г., за год до своей смерти, Лориа выпустил первый номер журнала «Ларес», который до сегодняшнего дня остается одним из ведущих периодических изданий итальянских фольклористов и этнографов. (Название журнала происходит от латинского lares, что означает «духи домашнего очага», а также сам домашний очаг.)

Взгляды Лориа были довольно противоречивы. При всем своем страстном

увлечении наукой он был одним из «ранних глашатаев колониальной роли Италии»³³. Лучше всего свое кредо Лориа выразил сам, когда в 1912 г. заявил: «Если знание нравов и обычаев народов, находящихся в подчинении у цивилизованной страны, помогает последней в сохранении своего правления, то знание нравов и обычаев нашего собственного народа тем более представит неожиданные возможности нашей стране»³⁴.

Организованный и финансируемый Лориа в 1911 г. Первый конгресс итальянских этнографов показал, что к тому времени этнография еще не сформировалась как самостоятельная наука. Один из исследователей этого периода так писал в своем отчете о конгрессе: «Это не было, как обычно случается с научными конференциями, встречей специалистов по данной дисциплине, собравшихся, для того чтобы обсудить, так сказать, внутренние проблемы; это было объединением специалистов самых разных отраслей знания... представителей классических наук и физиологов, лингвистов, демографов, историков и юристов... Истинные этнографы отсутствуют или крайне редко встречаются в Италии»³⁵.

Развитие итальянской этнографии в период между двумя мировыми войнами было во многом связано с основными положениями концепции культурно-исторических кругов, разработанной представителями Венской школы. Не последнюю роль здесь сыграло то обстоятельство, что Италия всегда была (и остается ныне) католической страной. Глава Венской школы всемирно известный австрийский ученый патер Вильгельм Шмидт был вызван в Рим в связи с большой миссионерской выставкой в 1925 г. Со всего мира в «вечный» город было отправлено большое число этнографических коллекций, которые по распоряжению папы Пия XI демонстрировались в только что основанном этнографическом музее Латеранского дворца. Официальное открытие этого музея состоялось в декабре 1927 г., патер Шмидт стал его первым научным директором. И хотя вскоре он оставил свой пост и отказался также преподавать в Римском университете, этот человек и его школа оказали большое влияние на ученых страны³⁶. Несколько увлеченных итальянцев (Р. Боккассино, Л. Ванничелли, Дж. Гуарилья), которые, избрав с тех пор этнологию делом своей жизни, даже отправились в Вену или в университеты других германоязычных городов для стажировки.

Идеологические принципы Венской школы вскоре были официально приняты этнологами-клерикалами. Изложение их появилось на столбцах ежедневной ватиканской газеты «*Osservatore romano*» («Римский обозреватель»). Вполне понятно, что выбор Ватиканом этой школы был продиктован не столько научными, сколько конфессиональными соображениями. Ведь Венская школа призвала в первую очередь к миссионерской и прозелитской деятельности.

Благодаря контактам Шмидта с Ватиканом в 10-ю годовщину открытия Латеранского музея (1937 г.) было основано и этнологическое периодическое издание «Латеранские анналы» («*Annali Lateranensi*»), ныне «Анналы Папского этнологического музея» («*Annali Pontificio Museo Etnologico*»). В журнале, выходявшем под редакцией Шмидта, затрагивались вопросы, связанные с условиями жизни людей на землях миссий, и прежде всего их религии, моральные устои, социальная организация, мифы, легенды, языки, а также традиционные направления хозяйственной деятельности³⁷.

В 1930-е годы некоторые итальянские этнографы приняли участие в комплексном изучении ряда африканских и азиатских регионов. Самые крупные экспедиции были организованы географом Джотто Дайнелли (1878—1968) на озеро Тана, биологом Эдоардо Дзаваттари в области Саган-Омо и Борана и врачом и путешественником Филиппо де Филиппи (1869—1938) в Каракорум и Центральную Африку.

Связующим звеном между фашистским правительством и учеными в эти годы было Итальянское географическое общество (*Società Geografica Italiana*). В интересах дела немало исследователей разного профиля сотрудничало с итальянской колониальной администрацией. Среди них были этнологи Лидио Чиприани и Виниджи Гроттанелли, археологи Паоло Грациози, Биаджо Паче и Джакомо

Капуто и др. Степень и формы этого сотрудничества были различны у каждого из ученых. Некоторые из них лишь получали от правительства Муссолини денежные средства для проведения экспедиций. Иные совмещали научную работу со службой в министерстве Итальянской Африки, а также добивались солидных государственных или дипломатических постов. Так, Энрико Черулли сначала был первым генеральным директором министерства, а с 1937 г. — генеральным вице-губернатором Итальянской Восточной Африки. Карло Конти Россини занимал пост генерального директора казначейства, а Марио Мартино Морено был генеральным директором политического отдела в том же министерстве.

В конце 20-х и в 30-е годы для выработки своей колониальной политики правительству требовались чиновники, профессионально знавшие традиции, обычаи и ментальность аборигенов. Среди них в академических кругах Италии были, конечно, и одиозные фигуры, как, например, Лидио Чиприани. Он был единственным из физических антропологов и этнологов, кто безоговорочно принял концепцию расизма и сам стремился к сотрудничеству с фашизмом (после войны он был удален из университета и эмигрировал за границу)³⁸. Самым трудным для итальянских ученых был тот период, когда Муссолини пытался добиться их согласия со своей расистской политикой, применяемой прежде всего к народам Африки, и настаивал, чтобы они подписались под составленным его приспешниками «Расовым манифестом» («Manifesto della razza»)³⁹.

Одновременно с колониальной этнографией, служившей практическим нуждам фашистского правительства, в Италии мало-помалу прокладывала себе путь «кабинетная» наука. Многие ученые старшего поколения, в молодости отдавшие дань полевым исследованиям, стали заниматься этнологией главным образом за письменным столом. Правда, и они были разных политических убеждений и неодинаково вели себя в тяжелое для страны время. Одни, как, например, профессор неаполитанского университета Раффаэле Корсо (1883—1965), открыто примкнули к официальным позициям фашизма о расовых законах⁴⁰. Задачей этнографии этот ученый неоднократно объявлял изучение человека как общественного существа и ценил эту науку более всего за вклад, который она могла внести в утверждение расовой идеи и проведение колонизаторской политики в Африке⁴¹. Другие старались занять более сдержанную позицию. Так, географ и этнолог, профессор флорентийского университета Ренато Биасутти (1878—1965), заявлял о нейтральности науки, особенно этнологии, которая была для него «почти всегда вчерашним миром»⁴².

И все же, какими бы ни были политические взгляды этих двух ученых, оба они внесли значительный вклад в развитие этнологической науки в Италии. Так, Корсо, кроме статей и книг, посвященных отдельным вопросам этнографии Италии и Африки, создал немало трудов историографического и методологического характера⁴³.

Биасутти с конца 1920-х годов был членом редакционного комитета и ответственным за географический и этнографический разделы в «Итальянской энциклопедии». 35 ее объемистых томов, вышедшие в свет в римском издательстве «Треккани» в 1930-е годы, и по сей день остаются самым солидным энциклопедическим изданием страны. В конце 1940-х годов Биасутти в сотрудничестве с несколькими крупными учеными разного профиля (Н. Пуччони, Я. Имбеллони, Р. Батталья, Р. Корсо) создал сводный труд «Расы и народы земли» («Le razze e i popoli della terra»). В этом обширном четырехтомнике Биасутти, стремясь объединить знания по географии, физической антропологии и этнологии, дал глубокий анализ развития человечества, а также охарактеризовал современные расы и культуры⁴⁴. Несмотря на последующие достижения итальянской науки, другого подобного труда пока не создано. В 1950—1960-х годах по инициативе и под руководством Биасутти вышла в свет серия книг, посвященная выявлению и исследованию традиционных типов сельского жилища Италии⁴⁵.

В 1930-е годы произошли некоторые изменения в научной номенклатуре. Среди ученых страны наблюдалась тенденция отказаться от иностранного для

итальянцев слова «фольклор». Тот же предмет исследований стали обозначать понятиями «*scienza delle tradizioni popolari*» (наука о народных традициях)⁴⁶ или «*storia delle tradizioni popolari*» (история народных традиций)⁴⁷. Это, однако, привело не к замене одного термина другим, а к их сосуществованию. Следует отметить, что новыми терминами обозначали чаще всего изучение традиционной культуры собственного народа, т. е. они приблизительно соответствовали немецкому «*Volkskunde*». Исследование же культур «экзотических» народов охватывалось теперь (как и на заре организационного оформления итальянской этнографической науки) терминами «этнология» и «этнография», что было близко к немецкому «*Völkerkunde*». Иногда этнологическими назывались теоретические труды, а этнографическими — описательные. Вполне понятно, что последний подход был продиктован самой этимологией терминов. Первая часть в том и другом слове общая, вторая же происходит от разных греческих корней. Однако Раффаэле Корсо справедливо отметил: «До войны в Италии термины „этнография“ и „этнология“ применялись смешанно (*misto*), согласно предпочитаемому благозвучию»⁴⁸.

В период между двумя мировыми войнами в итальянской этнографической науке продолжало развиваться и краеведческое направление. К чести ученых, которыми оно было представлено, следует отметить, что большинство их и в мрачный для страны фашистский период сумело сохранить независимость в своих воззрениях.

Некоторые всемирно известные ученые этого периода сочетали изучение и преподавание этнологии с разносторонней научно-исследовательской деятельностью. Среди них в первую очередь следует назвать Раффаэле Петтацони (1877—1959). В молодости он короткое время (с 1909 г.) работал хранителем в Музее этнографии и первобытной истории Луиджи Пигорини, позднее (с 1923 г.) читал лекции по этнологии и истории религий в Римском университете. В 1933 г. Петтацони стал академиком Италии, а в 1950 г. был избран президентом Международного общества истории религий. Уже в ранних работах исследователя⁴⁹ можно уловить молчаливый отказ от эволюционистских установок всеобщего компаративизма. И в этих, и в более поздних трудах⁵⁰ он сравнивал культуры разных народов, основываясь не на внешнем сходстве, а на их историческом происхождении.

Особенно большой значимостью и новизной отличался вклад Петтацони в изучение религий разных народов мира. «Упорно и неутомимо исследуя религиозные институты древних и современных народов всех континентов, — пишет о нем Туллио Тентори, — ученый постоянно подчеркивал, что понимание той или иной религии возможно лишь в контексте изучения жизни того человеческого коллектива, в котором она появилась»⁵¹.

Если коротко подвести итоги в рассматриваемых нами областях знания в 1920—1940-х годах, можно отметить следующее. Часть специалистов занималась так называемой колониальной этнологией, изучая главным образом автохтонное население Африки. Другие исследователи посвятили себя сбору и анализу материала по фольклору и крестьянской культуре своей родины, причем они чаще всего делали упор на поиски и описание архаических и экзотических обычаев итальянцев. Третья (самая малочисленная) часть ученых была представлена крупными теоретиками, среди которых в первую очередь следует отметить Раффаэле Петтацони и Ренато Биасутти.

Расстановка научных сил и интересы итальянских исследователей резко изменились в 1950-х годах. Чтобы лучше понять создавшуюся в этот период ситуацию, необходимо коротко остановиться на идейной атмосфере, царившей среди итальянской интеллигенции между двумя мировыми войнами.

Научные исследования в гуманитарных областях знания находились в этот период под сильным влиянием идеалистического историзма Бенедетто Кроче (1866—1952). Этот ученый в 1890-х годах пережил временное увлечение марксизмом⁵², а затем перешел на позиции неогегельянства. Популярность фило-

софа в широких кругах итальянской интеллигенции определялась главным образом его либеральными воззрениями, которые он систематически и последовательно проводил в своих трудах. В течение почти полувека (1903—1951) он издавал журнал «Критика», каждый номер которого был преимущественно заполнен его собственными работами. Как отметил современный итальянский философ М. Спинелла, Кроче «вплоть до своей смерти в 1952 г. стоял в центре философской жизни страны, направляя ее и руководя ею».

В тяжелое время диктатуры Муссолини Кроче выступал противником фашистского режима. В 1943 г. он воссоздал Либеральную партию и в течение четырех лет руководил ею. Вместе с тем имидж Кроче как крупного философа и политического мыслителя был крайне сложен и противоречив.

Труды Кроче пронизаны его главной философской идеей, согласно которой исторический процесс сводится к развитию «духа» («*spirito*») и «чистого понятия» («*concetto puro*») ⁵³. Абстрактность его теоретических построений не давала возможности ни ему самому, ни его школе выходить на конкретные исторические исследования в широком смысле этого слова. Идеалистический подход философа к интерпретации истории лежит в основе его концепции надклассовости и элитарности культуры. С этим неразрывно связано этноцентристское отношение Кроче к неевропейским народам, а также к низшим социальным слоям европейских стран. Концепция Кроче, согласно которой и те и другие не признавались творцами культурных ценностей, длительное время препятствовала проведению итальянскими учеными серьезных исследований субкультуры, т. е. культуры низших классов своей страны и культуры традиционных обществ ⁵⁴.

В первые послевоенные годы академическая среда страны из-за длительного господства идей Кроче оставалась глухой к европейским и американским направлениям теоретической мысли и мало реагировала на развитие социальных наук за пределами Италии. В 1950-е годы наиболее чуткие к новизне в науке ученые познакомились с результатами исследований в других странах, пронизанных основными идеями неопозитивизма, феноменологии, экзистенциализма и глубинной психологии, а у себя на родине узнали труды основателя и руководителя Итальянской коммунистической партии, теоретика-марксиста Антонио Грамши.

Основное теоретическое произведение Грамши — знаменитые «Тюремные тетради» — было написано в фашистской тюрьме, куда он был заточен вслед за поражением итальянских революционных сил в 1918—1919 гг. Эта работа Грамши стала известна итальянской общественности уже после того, как с фашистской диктатурой в стране было покончено, а последствия фашистского «руководства» культурной жизнью нации в основном уже преодолены. По мнению современного философа-марксиста Салинари, выход в свет «Тюремных тетрадей» явился «самым значительным событием культурной жизни после второй мировой войны...» ⁵⁵.

Научные интересы Грамши были весьма разносторонними: он занимался вопросами философии, социологии, истории, литературы, искусства, фольклора и др. Шесть коротких страниц его «Заметок по фольклору» оказали заметное влияние на итальянских этнографов. Интерес Грамши к фольклору не был случайным; он был связан с его общей концепцией исторического прогресса. Главным двигателем истории он считал народные массы, фольклор же определял как «отражение культурной жизни народа». «Фольклор, — писал Грамши, — должен восприниматься не как нечто эксцентричное, странное, не как „живописный“ элемент, а как явление серьезное, требующее к себе соответствующего отношения. Только при таких условиях его преподавание будет эффективным и действительно заложит основы для зарождения новой культуры широких народных масс, уничтожая разрыв между современной культурой и культурой народной или фольклором» ⁵⁶.

Именно эта идея Грамши была с интересом воспринята многими учеными и в свое время оказала известное влияние на этнологические исследования в Италии.

На 1950-е — начало 1960-х годов приходится расцвет творчества профессора неаполитанского университета Эрнесто Де Мартино (1908—1965). Из всех своих современников этот самобытнейший ученый внес наиболее оригинальный вклад в развитие итальянской этнологии. Подобно Петтаццони, Де Мартино пришел в этнологию в процессе своих штудий по истории религий, в которых уделял особое внимание народным религиозным традициям.

В молодости Де Мартино находился под сильным влиянием идей Кроче, в зрелом возрасте проявил глубокий интерес к воззрениям Грамши. В ряде трудов Де Мартино дал в целом отрицательную оценку теории и методу западноевропейской этнологии своего времени.

Яркая индивидуальность творчества Де Мартино проявилась в его работах, посвященных изучению феномена магии. Проведя исследование форм церемониальной магии, бытовавших в итальянской области Базиликата, ученый определил структуру магической практики, ее психологическую функцию и главные условия, благоприятствовавшие ее сохранению. Выводы Де Мартино сводятся к следующему: бедность духовной жизни, характерная для изучаемых им крестьян отсталых областей Южной Италии, объясняет их возврат к магии, поскольку она кажется им необходимой для защиты от проявления всего «негативного». Фактической базой теоретических и философских позиций ученого послужил материал, собранный им во время многочисленных полевых исследований народных обычаев южных регионов страны⁵⁷.

Изучение социальных традиций отсталых областей Италии продолжила одна из учениц Де Мартино — Клара Галлини. Она же после смерти своего учителя подготовила к печати его последнее произведение «Конец мира. Вклад в анализ культурных апокалипсов»⁵⁸.

В послевоенный период итальянские этнографы по-прежнему применяли для обозначения своей области знания (как минимум) пять терминов: *etnografia*, *etnologia*, *demologia*, *antropologia*, *folklore*. Этнологами, этнографами и антропологами было принято называть исследователей, изучавших первобытные общества Азии, Африки и Америки, фольклористами и демологами — специалистов по народной культуре самой Италии.

Тем временем в итальянской науке начали прокладывать себе пути ученые совершенно нового для страны направления. Оно зародилось в Италии под влиянием культурной антропологии США и получило здесь аналогичное название — *antropologia culturale*. Представители американской культурной антропологии впервые начали проводить свои исследования на Апеннинском полуострове вскоре после окончания второй мировой войны. Наиболее известные среди них (Э. Бэнфилд и Л. Мосс) в течение нескольких лет изучали традиционный бытовой уклад жителей отсталых районов Южной Италии и Сицилии и его трансформацию в последнее время. Под руководством американских ученых работали молодые итальянские этнологи и студенты университетов страны. Вскоре они стали проводить и самостоятельные стационарные наблюдения в ряде областей Италии. Однако моделью для них оставался тип исследований, разработанный американскими культурными антропологами, научные подходы которых существенно отличались от методов, характерных для итальянской этнологии⁵⁹.

В эти же годы некоторые итальянские исследователи прошли стажировку в университетах и научных центрах США. Среди них был и ставший позднее одним из самых известных итальянских культурных антропологов Туллио Тентори. Получив чисто этнологическое образование, ученый вначале избрал областью своих научных исследований американистику. С целью углубить собственные знания он провел два года (1949—1950) в США. Его встреча с миром американских антропологов произошла в тот период, когда их особенно занимали проблемы культуры. Многие американские ученые вышли за традиционные пределы антропологии и перешли от изучения первобытности или простых обществ к исследованию сложных обществ. Тентори загорелся новой проблематикой и, вернувшись на родину, решил познакомить интеллектуальные круги своих соотечественников

с новыми концепциями американской антропологии и ввести ее методы в итальянскую этнологическую науку. В течение нескольких лет Тентори терпеливо и последовательно внедрял культурную антропологию в Италию — читал лекции, проводил полевые исследования, организовывал конференции, спланировал вокруг себя и обучал любознательную молодежь.

Постепенно, преодолевая сопротивление традиционной академической среды, итальянские культурные антропологи добились официального признания новой для Италии науки в качестве одной из важных университетских дисциплин. В 1957 г. профессор Тентори представил на I Национальный конгресс социальных наук доклад, подготовленный им вместе с группой его учеников. Названный Меморандумом, этот доклад отражал идеи, обычные для американской культурной антропологии того времени. Для Италии же он явился важным документом эпохи. В ходе его обсуждения обнаружилась интеллектуальная дистанция между новой наукой и традиционной этнографией.

Главное, что отличает итальянских культурных антропологов от тех ученых, которые называют себя этнографами, этнологами, демологами, историками народных традиций, — это выбор объекта изучения — сложные общества современного мира. Предмет изучения культурной антропологии всегда связан с человеческим поведением, особенно в том, как люди выражают себя в своей повседневной деятельности, каковы их позиции в политической и религиозной жизни, в системе воспитания и формирования личности. Итальянские культурные антропологи объявили своей задачей также изучение проблем аккультурации. Особенно важным они считают выявление модели культуры и разработку подходов к ее исследованию⁶⁰.

По оценке современного американского ученого Джорджа Р. Сондерса, существенной чертой, отличающей культурных антропологов от их собратьев в науке, является вторжение в решение социальных проблем современного мира, что в свою очередь тесно связано с политикой итальянского государства. Многие культурные антропологи Италии оказались вовлеченными в политическую деятельность не меньше, чем представители других общественных наук, например социологи⁶¹.

В 1962 г. в Италии состоялась первая национальная конференция по культурной антропологии. Ее участники резко критиковали фольклорные и этнологические исследования своего времени и подчеркивали роль введенной ими общей и всеобъемлющей науки, исследующей культуру (и субкультуру) как систему ценностей и форм поведения⁶².

Так как контакты специалистов по всем этим отраслям наук о человеке были всегда весьма тесными, усилия итальянских ученых в первые полтора послевоенных десятилетия были направлены на выработку более четкой и всеобъемлющей терминологии. Эти вопросы не раз поднимались на их профессиональных встречах. В целях достижения всеобщего умиротворения и прекращения дальнейших разногласий и споров, в 1960-х годах был предложен собирательный термин «этно-демо-антропология» (etno-demo-antropologia).

Утверждение в Италии культурной антропологии существенным образом изменило направленность этно-демо-антропологических наук. Сондерс так определил последствия укрепления позиций культурной антропологии в Италии: «1) Упор на полевые исследования в самой Италии. 2) Связь с «проблемой Юга». 3) Особый интерес к изучению магии, народной религии, праздников и ритуалов. 4) Фокусирование внимания на социальной истории низших групп. 5) Явная связь между исследованиями и политическими установками. 6) Теоретический подход, при котором выделяется классовая структура, культурная комплексность, формы идеологии и символика в классовой борьбе»⁶³.

Начиная с 1960-х годов в итальянской этно-демо-антропологической науке большое внимание уделялось теоретическим и идеологическим дискуссиям. Идеалистический историзм Кроче, марксистские воззрения Грамши и ряд других вопросов были основными отправными пунктами для сравнения или противопоставления различных течений и школ современной мировой науки. Итальянские

ученые постоянно устраивали диспуты, на которых они обсуждали тенденции развития и характерные черты функционализма, семиотики, американской культурной антропологии и английской социальной антропологии. Одной из важных сфер в итальянской науке стала культурология⁶⁴.

Одновременно в стране развивалось и традиционное краеведческое направление этнографии и фольклористики. Набирала силу деятельность ученых, проводивших сбор полевого материала по народным традициям и фольклору отдельных областей Италии. Результатом этой работы явились многочисленные публикации в местных изданиях. Около 60 трудов по региональной этнографии вышло в свет в серии «Biblioteca di Lares», издававшейся как приложение к журналу «Lares»⁶⁵. Народная культура, пережившая с середины 1960-х годов так называемое возрождение, заинтересовала не только ученых-специалистов, но и многих любителей, членов всевозможных обществ, клубов и возрожденческих групп.

В 1950—1960-х годах создали свои наиболее значительные труды и крупнейшие итальянские этнографы-фольклористы Паоло Тоски (1893—1974) и Джузеппе Коккьяра (1904—1965).

Начав с изучения сельского быта области Романья, Тоски постепенно расширял диапазон своих интересов. Свыше 30 лет он был профессором на кафедре народных традиций в Римском университете. За эти годы Тоски подготовил большое число студентов, ставших впоследствии известными специалистами. До самой своей кончины он был президентом Итальянского этнографического общества. Ученый написал более 30 крупных работ по народным традициям и фольклору, а также по истории театра в Италии⁶⁶. Основной тезис его книги «Происхождение театра в Италии» состоит в том, что все драматические формы: народные и культовые, светские и религиозные — происходят от «больших годовых и сезонных праздников обновления и пропициации». Весь его труд пронизан стремлением найти сходство и установить связи между собственно театральными формами и драматическими действиями, присутствующими в традиционных церемониях и обрядах. Помимо других достоинств эта книга Тоски представляет собой самую большую сводку материала о сезонной обрядности в итальянской народной жизни.

Еще шире была деятельность сицилийца Джузеппе Коккьяра. С юных лет он изучал устное народное творчество как на своем родном острове, так и в Италии в целом⁶⁷. В 1930-х годах Коккьяра расширил сферу своих исследований, включив в них и этнологию. С 1934 г. и до конца своей жизни ученый преподавал в университете г. Палермо, где создал сильную школу этнологов (наиболее известны из его учеников и последователей Антонино Буттитта, Джузеппе Бономо, Аурелио Риголи). В 1947 г. вышла в свет его книга об изучении народных традиций в Италии⁶⁸, которая до наших дней не потеряла своей ценности как фундаментальное исследование в этой области⁶⁹. Мировую известность Коккьяре принес труд по истории европейской фольклористики⁷⁰, в котором автор показал формирование и развитие этой области знания почти во всех странах Европы (включая Россию).

В 1950—1960-х годах (да и позднее) итальянские этнологи продолжали изучать и неевропейские народы. Наибольшее внимание уделялось (очевидно, по традиции), странам Африки. Виниджи Гроттанелли, Эрнеста Черулли, Дж. Ф. Серторио проводили полевые исследования среди племен Африки⁷¹. А. Колайани, Дж. Костанцо-Беккариа и некоторые другие стационарно изучали племена Южной и Центральной Америки.

Виниджи Гроттанелли в 1960-е годы курировал трехтомник «Ethnologica», для которого и сам написал более 10 глав. Итальянские ученые считают, что эту книгу по значимости и высокому научному уровню можно сравнить с упоминавшимся выше четырехтомником Ренато Биасутти «Расы и народы»⁷². В отличие от последнего, основанного на географическом критерии, материал трехтомника Гроттанелли систематизирован по проблематике. Первый том называется «Основы цивилизации», второй — «Результаты деятельности человека», третий — «Обще-

ство и мир сверхъестественного»⁷³. Отдельные главы касаются происхождения и развития цивилизации, системы жизнеобеспечения и присваивающего хозяйства, доместикации и развития животноводства и пр.

В 1970—1980-х годах наряду с трудами, основанными на конкретных полевых изысканиях, появились работы, авторы которых (Туллио Тентори⁷⁴, Бернардо Бернарди⁷⁵, Альберто Марио Чирезе⁷⁶, Карло Туллио Алтан⁷⁷, Витторио Лантернари⁷⁸) пытаются дать оценку и периодизацию разных направлений этно-демо-антропологических исследований. Хронологически упор в них делается на первую половину XX в. Новейшим публикациям, как правило, уделяется гораздо меньше внимания. Анализ трудов, вышедших в свет в два последних десятилетия, очень фрагментарен. Так как для выделения направлений в итальянской этнографической науке у каждого ученого существует свой критерий, периодизация и систематизация творчества одних и тех же исследователей строится у них по-разному. Например, Бернардо Бернарди намечает в послевоенных исследованиях итальянских этно-демо-антропологов такие три направления: первое — более традиционно этнологическое — обращено на изучение примитивных (первобытных) обществ. Второе направление применяет этнологический метод к изучению отдельных феноменов отечественной культуры, особенно юга Италии. Третье занимается проблемами американистики и культурологии. Карло Туллио Алтан выделяет в развитии этно-демо-антропологических наук Европы два периода. Первый он называет «этнографическим» и подчеркивает, что наука в этот период была связана с колониальной экспансией разных стран, а материал собирался главным образом в колониях. Следующий период ученый определяет как «этнологический» и указывает, что характерной чертой его было осмысление накопленного материала. Этот период, начавшийся в двадцатилетие между двумя мировыми войнами, продолжается, по мнению ученого, и в наше время, обогащаясь все новыми и новыми подходами⁷⁹.

Альберто Марио Чирезе отмечает в послевоенных трудах итальянских ученых «поток традиционных исследований» и «новую социокультурную тематику». Этот же ученый, рассмотрев работы в области фольклора в более широком контексте этно-антропологических исследований, способствовал установлению тесных связей между фольклористикой, этнологией и культурной антропологией⁸⁰.

В 1980-е годы Пьетро Клементе, Альба Роза Леоне, Сандра Пуччини, Карло Россетти и Пьер Джорджо Солинас подготовили к печати коллективную теоретическую работу, в которой рассмотрены проблемы, ставившиеся и решавшиеся в итальянской этно-демо-антропологической науке на протяжении 100 лет — с момента организационного оформления этой науки и до начала 1970-х годов⁸¹.

В настоящее время активно ведут исследования народной культуры в сложных обществах такие ученые, как Карла Бианко, Джан Луиджи Браво, Клара Галлини, Туллио Сеппилли, Франческо Ремотти, Джулио Анджони, Чезаре Бермани, Луиджи Ломбарди Сатриани, Марио Атцори, Мария Маргерита Сатта, Элизабетта Сильвестрини, Энрика Делитала, Эльза Гуджино, Антонино Буттитта и многие другие⁸².

Кроме подготовки к печати отдельных монографий и сборников статей итальянские ученые публикуют свои работы в периодических изданиях страны⁸³. Особенно большой популярностью пользуется журнал «La ricerca folklorica», руководимый Глауко Санга. Редакция отводит каждый его выпуск какой-либо одной теме, помещая по ней несколько крупных статей и ряд выступлений в порядке их обсуждения⁸⁴.

В последние годы ученые страны по-прежнему принимают живое участие в постоянно организуемых дискуссиях. Уменьшился былой отрыв итальянских этнологов и культурных антропологов от исследований в других европейских и американских странах. Более интенсивными стали и связи этно-демо-антропологами и специалистами в смежных науках, главным образом с историками.

- ¹ Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. Перевод и комментарии М. М. Покровского. 1-е изд. М.; Л., 1948; 2-е изд. М., 1962; *Корнелий Тацит*. Сочинения в двух томах. Т. I. Л., 1969.
- ² *Токарев С. А.* История зарубежной этнографии. М., 1978. С. 19.
- ³ *Карпини Иоанн де Плано, Рубрук Вильгельм де*. Путешествие в восточные страны. Введение, перевод и примечания А. Малеина. СПб., 1911; *Карпини Джованни дель Плано*. История монгалов. *Рубрук Гильом де*. Путешествие в восточные страны. Редакция, вступительная статья и примечания Н. П. Шастиной. М., 1957.
- ⁴ См. русские издания: *Поло Марко*. Путешествие венецианца. М., 1983; *Марко Поло*. Путешествие в 1286 г. по Татарии и другим странам Востока венецианского дворянина Марко Поло, прозванного миллионером. СПб., 1873; *Марко Поло*. Путешествие. Л., 1940; *Поло М.* Книга Марко Поло о разнообразии мира, записанная пизанцем Рустикано в 1298 г. Автор предисловия Магидович И. Послесловие Баранова Ю. Г. Алма-Ата, 1990.
- ⁵ Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Вступительная статья, подготовка текста, перевод и комментарий Е. Ч. Скржинской. Л., 1971.
- ⁶ Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы. Перевод с испанского Я. М. Света / Под ред. И. П. Магидовича. М., 1961.
- ⁷ Рукопись Пигафетты, первоначально составленная на венецианском диалекте, была опубликована в Милане на итальянском литературном языке лишь в 1800 г. — *Primo viaggio intorno al globo terraqueno, ossia ragguaglio della navigazione alle Indie Orientali per la via d'Occidente fatta dal cavaliere Antonio Pigafetta patrizio vicentino, sulla squadra del capitano Magaglianes negli anni 1519—1522*. Русский перевод: *Пигафетта А.* Путешествие Магеллана. М., 1950.
- ⁸ *Sassetti F.* Lettere indiane. Torino, 1951.
- ⁹ *Carletti F.* Ragionamenti del mio viaggio intorno al mondo. Toronto, 1958.
- ¹⁰ *Ricci M.* Opere storiche. Macerata, 1911—1913; *Cavazzi da Montecuccoli G. A.* Istorica descrizione dei tre regni Congo, Matamba et Angola. Bologna, 1687.
- ¹¹ Книга издавалась много раз на нескольких европейских языках. См. русский перевод: *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983.
- ¹² *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций. Перевод и комментарии А. А. Губера. Л., 1940.
- ¹³ *Ferrario G.* Il costume antico e moderno. Storia del governo, della milizia, della religione, delle arti, scienze ed usanze di tutti i popoli antichi e moderni. Provata coi monumenti dell'antichità e rappresentata cogli analoghi disegni. V. 1—4. Milano, 1817—1834, Firenze, 1840—1846.
- ¹⁴ *Balbi A.* Atlas ethnographique du globe, ou classification des peuples, anciens et modernes... Paris, 1826.
- ¹⁵ Приводится по: *Tassoni G.* Tradizioni popolari del Mantovano. Firenze, 1964. P. 517—518.
- ¹⁶ Изложено по: *Corso R.* Problemi di etnografia. Napoli; Roma; Catania; Palermo; Pescara; Torino, 1956. P. 95.
- ¹⁷ *Corso R.* Op. cit. P. 94—96.
- ¹⁸ Приводится по: *Grottanelli V.* Ethnology and/or Cultural anthropology in Italy: Traditions and Developments // *Current Anthropology*. 1977. V. 18. № 4. P. 594.
- ¹⁹ Atti della Società Romana di Antropologia. V. I. Fasc. 3. Roma, 1893.
- ²⁰ *Scotti P.* Etnologia // *Grande Dizionario Enciclopedico Fondato da P. Fedele*. V. V. Torino, 1956. P. 327.
- ²¹ Ibid.
- ²² *Tullio-Altan C.* Antropologia // *Enciclopedia Europea*. V. I. 1976. P. 516.
- ²³ *Corso R.* Folklore // *Enciclopedia Italiana*. V. XV. Milano, 1932. P. 606; *Bronzini G. B.* Folklore // *Grande Dizionario Enciclopedico...* V. V. Torino, 1956. P. 934.
- ²⁴ К. В. Чистов в одной из своих работ совершенно справедливо отметил, что «фольклористика органически входит в цикл этнографических наук, ядро предметной области которых составляет традиционно-бытовая культура — важнейший носитель этнической специфики этнических общностей». *Чистов К. В.* Народные традиции и фольклор. М., 1986. С. 7.
- ²⁵ Характеристику творчества этих ученых см. в кн.: *Коккьяра Дж.* История фольклористики в Европе. Перевод с итальянского. М., 1960.
- ²⁶ Всемирную известность получили его труды о семейном цикле жизни итальянцев, в которых он стремился проследить связи Европы с Востоком. См.: *De Gubernatis A.* Storia comparata degli usi natalizi. Milano, 1864; idem. Storia comparata degli usi nuziali in Italia e presso gli altri popoli indo-europei. 1-a ed. Milano, 1869; 2-a ed. Milano, 1873; idem. Storia comparata degli usi funebri in Italia e presso gli altri popoli indo-europei. Milano, 1878.
- ²⁷ *Коккьяра Дж.* История фольклористики... С. 375.
- ²⁸ *Toschi P.* Invito al folklore italiano. Roma, 1963. P. 12.
- ²⁹ *Lanternari V.* Antropologia e imperialismo ed altri saggi. Torino, 1974. P. 322—323.
- ³⁰ *Tullio-Altan C.* Antropologia. Storia e problemi. Milano, 1983. P. 116.
- ³¹ *Grottanelli V.* Ethnology and/or Cultural Anthropology... P. 597.
- ³² *Loria L.* Due parole di programma // *Lares*. 1912. V. I. P. 9.
- ³³ *Bodemann Y. Michael.* Отклик на статью В. Гроттанелли // *Current Anthropology*. 1977. V. 18. № 4. P. 602.
- ³⁴ *Loria L.* L'etnografia strumento di politica interna e coloniale // *Lares*. 1912. V. I. P. 78.
- ³⁵ *Mochi A.* Il primo Congresso d'Etografia Italiana // *Lares*. 1912. V. I. P. 25.
- ³⁶ *Tentori T.* Per una storia del bisogno antropologico. Roma, 1983. P. 70.
- ³⁷ *Lanternari V.* Antropologia e imperialismo... P. 328, 329; *Tentori T.* Per una storia... P. 68-71.

- ³⁸ Tullio-Altan C. Antropologia... P. 11; Tentori T. Per una storia... P. 110—112.
- ³⁹ Tullio-Altan C. Antropologia... P. 117.
- ⁴⁰ Ibid.
- ⁴¹ Tentori T. Per una storia... P. 113; Tullio-Altan C. Antropologia... P. 117.
- ⁴² Ibid.
- ⁴³ См., например: Corso R. Folklore. Storia, obbietto, metodo, bibliografia. Prolegomeni. Napoli, 1947; *idem*. Manuale di etnografia. S. I., 1953. *idem*. Problemi di etnografia. Roma, 1956.
- ⁴⁴ Biasutti R. (a cura di). Le razze e i popoli della terra. V. 1—4. Torino, 1941 (1-a ed.); Torino, 1967 (2-a ed.).
- ⁴⁵ Consiglio Nazionale delle ricerche: Ricerche sulle dimore rurali in Italia. V. 1—23. Bologna, 1938—1942. Firenze, 1946—1959.
- ⁴⁶ Bronzini G. B. Folklore... P. 934.
- ⁴⁷ Lanternari V. Antropologia e imperialismo. P. 323.
- ⁴⁸ Corso R. Problem di etnografia. P. 18.
- ⁴⁹ Pettazzoni R. Le origini dei Cabiri. Piacenza, 1909; *idem*. La religione primitiva in Sardegna. Piacenza, 1912.
- ⁵⁰ *Idem*. Svolgimento e carattere della storia delle religioni. Bari, 1924; *idem*. Miti e leggende. V. 1—4. Torino, 1948—1963; *idem*. L'Onniscienza di Dio. Torino, 1955.
- ⁵¹ Tentori T. Per una storia... P. 71.
- ⁵² Croce B. Materialismo storico ed economia marxistica. Bari, 1990.
- ⁵³ Croce B. Filosofia dello spirito. V. I. Estetica come scienza dell'espressione e linguistica generale. Bari, 1902; V. II. Logica come scienza del concetto puro. Bari, 1905; V. III. Filosofia della pratica. Economia ed etica. Bari, 1905; V. IV. Teoria e storia della storiografia. Bari, 1917.
- ⁵⁴ Lanternari V. Antropologia e imperialismo... P. 323.
- ⁵⁵ Салинари К. Антонио Грамши — революционер и мыслитель // Иностранная литература. 1962. № 11.
- ⁵⁶ Грамши А. Заметки о фольклоре // Грамши А. О литературе и искусстве. М., 1957. С. 178—183.
- ⁵⁷ De Martino E. Naturalismo e storicismo nell'etnologia. Bari, 1941; *idem*. Sud e magia. Milano, 1959; *idem*. La terra del rimorso. Contributo a una storia religiosa del Sud. Milano, 1961; *idem*. Mondo popolare e magia in Lucanis. Roma; Matera, 1975.
- ⁵⁸ *Idem*. La fine del mondo. Contributo all'analisi delle apocalissi culturali. A cura di C. Gallini. Torino, 1977.
- ⁵⁹ Cirese A. M. Situation universitaire de l'histoire des traditions populaires en Italie // Ethnologia Europea. V. I. F. 4. P. 288—290.
- ⁶⁰ La antropologia culturale nel quadro delle scienze dell'uomo: Appunti per un memorandum // Atti del I° Congresso Nazionale di scienze sociali. P. 235—253. Bologna, 1958; Bernardi B. Uomo, cultura, società. Introduzione agli studi etno-antropologici. Milano, 1974. P. 226—227; Tullio-Altan. Antropologia. P. 120.
- ⁶¹ Saunders G. R. Contemporary Italian Cultural Anthropology // Annual Review of Anthropology. 1984. V. 13. P. 456.
- ⁶² Clemente P. Folklore studies and ethnoanthropological research in Italy: 1960—1980 // Etnologia Europea. V. XIII. F. 1. P. 37—39.
- ⁶³ Saunders G. R. Op. cit. P. 456.
- ⁶⁴ Clemente P. Folklore studies... P. 39; Saunders G. R. Op. cit. P. 453.
- ⁶⁵ См. например: Tassoni G. Proverbi e indovinelli. Folklore mantovano. Firenze, 1955; Moretti P. Poesia popolare sarda. Canti dell'Ogliastro. Firenze, 1958; Eustacchi-Nardi A. M. Contributo allo studio delle tradizioni popolari marchigiane. Firenze, 1958; Galanti B. M. Vita tradizionale dell'Arbruzzo e del Molise. Saggi storico-critici. Firenze, 1961; Nobilio E. Vita tradizionale dei contadini abruzzesi nel territorio di Penne. Firenze, 1962; Zucchi F. Del vestire alla marchigiana. Firenze, 1964; Tassoni G. Tradizioni popolari del mantovano. Firenze, 1964; Malecore I. M. La poesia popolare del Salento. Firenze, 1967; Borgatti M. Folklore emiliano, raccolto a Gento. Firenze, 1968; Bellabarra R. Proverbi marchigiani illustrati. Firenze, 1971; Delfino G., Schmuckner A. Stregoneria, magia, credenze e superstizioni a Genova e in Liguria. Firenze, 1973; Angarano F. A. Vita tradizionale dei contadini e pastori calabresi. Firenze, 1973; Tassoni G. Folklore e società. Studi di demologia padana. Firenze, 1977.
- ⁶⁶ О разнообразии интересов ученого может свидетельствовать даже далеко не полный список его трудов. См., например: Toschi P. L'antico dramma sacro italiano. Roma, 1926; *idem*. Fenomenologia del canto popolare. Roma, 1951; *idem*. Le Origini del teatro italiano. Roma, 1957; *idem*. L'arte popolare italiana. Roma, 1960; *idem*. Invito al folklore italiano. Roma, 1963.
- ⁶⁷ Cocchiara G. Popolo e canti nella Sicilia d'oggi. Palermo, 1924; *idem*. La vastasate. L'anima del popolo italiano nei suoi canti. Palermo, 1926.
- ⁶⁸ Cocchiara G. Storia degli studi delle tradizioni popolari in Italia. Palermo, 1947. 2-a ed. 1959; 3-a ed. 1982.
- ⁶⁹ Cirese A. M. Sulla storiografia italiana // Clemente P., Leone A. R., Puccini S., Rossetti C., Solinas P. G., L'antropologia italiana. Un secolo di storia. Bari, 1985. P. IX.
- ⁷⁰ Ее первое издание вышло в 1952 г., второе — два десятилетия спустя. См.: Cocchiara G. Storia del folklore in Europa. Torino, 1971.
- ⁷¹ Grottanelli V. L. Gerarchie etniche e conflitto culturale. Saggi di etnologia nordest africana. Milano, 1976; Maconi V. Etnologia e missioni. Milano, 1962.
- ⁷² Bernardi B. Uomo, cultura, società. Introduzione agli studi etno-antropologici. Milano, 1974. P. 224.
- ⁷³ Grottanelli V. L. Etnologica. L'Uomo e la civiltà. V. I. I fondamenti della civiltà. V. II. Le opere dell'uomo. V. III. La società e il mondo soprannaturale. Milano, 1965.

⁷⁴ Tentori T. Per una storia del bisogno antropologico. Roma, 1983.

⁷⁵ Bernardi B. Uomo...

⁷⁶ Cirese A. M. Cultura egemonica e culture subalterne: Rassegna degli studi sul mondo popolare tradizionale. 1-a ed. Palermo, 1971; 2-a ed. Palermo, 1982.

⁷⁷ Tullio Altan C. Manuale di etnografia culturale. Storia e metodo. Milano, 1971; idem. Antropologia. Storia e problemi. 1-a ed. Milano, 1983; 2-a ed. Milano, 1985.

⁷⁸ Lanternari V. La grande festa. 1-a ed. Bari, 1959. 2-a ed. Bari, 1974.

⁷⁹ Bernardi B. Uomo... P. 223; Tullio Altan C. Antropologia... P. 64.

⁸⁰ Cirese A. M. Cultura egemonica... Palermo, 1982. P. 211—217.

⁸¹ Clemente P., Leone A. R., Puccini S., Rosetti C., Solinas P. G. L'Antropologia...

⁸² Объем журнальной статьи, к сожалению, не позволяет перечислить имена многих других итальянских этно-демо-антропологов и дать характеристику их работ.

⁸³ Чаще всего в журналах: «Lares», «Rivista di etnografia», «Rivista di filosofia», «Annali Lateranensi», «Rassegna Italiana di Sociologia», «Religioni e civiltà», «Uomo e cultura», «Bollettino del Repertorio e dell'Atlante Demologico Sardo» (BRADS), «Studi sardi», «La ricerca folklorica», «L'Uomo», «Giornale critico della filosofia italiana», «Studi storici».

⁸⁴ Так, например, выпуск 6-й (1982 г.) был посвящен толкованию карнавала, выпуск 8-й (1983 г.) — народной медицине в Италии, 10-й (1984 г.) — влиянию Дж. Дж. Фрэзера на развитие антропологических наук, 15-й (1987 г.) — европейским народным литературам, 16-й (1987 г.) — разным типам итальянских кукол, 18-й (1988 г.) — путешествиям и религиозным миссиям итальянцев в XIX в., 23-й (1991 г.) — антропологии как профессии и пр.

A contribution to the History of Ethnographical Science in Italy

The history of ethnographic science on the Apennines peninsula goes back to the antiquity (Julius Caesar, Tacitus). During the Middle Ages descriptions of «exotic» countries by Fra Plano de Carpini and Marco Polo (XIII-th c.) became known worldwide. In the middle of the XV-th century Ambrogio Contarini and Iosafato Barbaro of Vennice visited, among other countries, the far-off Moskovia.

A work by the Naples philosopher Jambatista Vigo (1725) laid the foundations of a systematic study of the peoples of the world. At the turn of the XIX-th century Adriano Balbi of Venice compiled language and dialect tables naming them «The Ethnographic Atlas of the World». Its formal status, however, the Italian ethnography received as late as the second half of the XIX-th. Since that time Italian ethnographers have called their discipline one of the five names: ethnography, ethnology, anthropology, folklore, and demology.

In the early XX-th century Italian ethnography developed two distinct trends: «local studies» and «colonial studies». Among the prominent theoreticians are Raffaele Petazzoni and Renato Biasutti.

During the Fascist reign the link between the government and the ethnographers community was the Italian Geographic Society.

Recently, a new trend has appeared in the Italian ethnography, namely, cultural anthropology. As all of the humanities have been closely integrated in Italy, in 1960 a compound term was introduced to designate ethnology — ethno-demo-anthropology.

N. A. Krasnovskaya